

*А.И.Гинзбург,
кандидат исторических наук,
Институт этнологии и антропологии, Интерцентр*

Синдром национального меньшинства у русских

Волею судеб в бывших республиках Советского Союза оказались представители разных национальностей. В силу того что все пространство Союза воспринималось единым, неделимым, в каждой республике представители другой республики чувствовали себя в "единой семье народов". В течение длительного сосуществования в едином пространстве перемещения происходили постоянно с разной степенью интенсивности, но с неизменным ощущением, особенно в послеоктябрьский период, правомерности этих перемещений, связанных с разными периодами жизни страны (коллективизацией, индустриализацией и т.д.) В немалой степени этому способствовало то, что русский язык был (и остается) межнациональным языком, знание которого открывало возможность общения в любом городе или селе. Русский язык, кроме того, выполнял функцию государственного языка, что помогало национальностям, для которых русский язык стал родным, не ощущать необходимости в знании языка народа, на территории которого они проживали. Во всех республиках, за исключением, пожалуй, Прибалтийских, этнические меньшинства, как правило, довольствовались знанием русского языка. Впрочем, те, кто вполне адаптировались в данной республике и не собирались ее покинуть, усваивали быт, нравы и язык титульного народа. Некоторые признаки негативного отношения к русским, сложившегося в бывших республиках, проявились намного раньше. Правда, признаки эти еще не были обусловлены единым механизмом — синдромом, но они уже свидетельствовали, что болезнь не только появилась, но и прогрессирует. Однако в силу того, что русские в республиках

занимали довольно прочное место в экономике и в конечном счете определяли политику, они по-прежнему не хотели чувствовать себя национальным меньшинством, но постепенно вынуждены были уступить те позиции, где их приоритет был бесспорным. Наиболее дальновидные из них, особенно деятели науки, культуры, специалисты всех областей знаний в конце 60-х годов начали покидать республики. До распада СССР имелся определенный опыт и некая модель культурно-языковой адаптации меньшинства к окружающему этническому большинству. Этот опыт формировался преимущественно на основе общесоветской культурно-информационной системы.

В России и сегодня этнические меньшинства наиболее часто пользуются моделью культурно-языковой адаптации. Однако сфера распространения этой модели культурной адаптации резко сузилась: она перестала действовать в подавляющем большинстве стран зарубежья, что весьма осложнило проблему проживающих там русских, сформировав у них комплекс "национального меньшинства". Те представители нерусских народов (украинцев, белорусов и др.), которые в итоге этнокультурной адаптации стали носителями "советской" культуры и даже отчасти были ассимилированы русскими, в условиях ближнего зарубежья оказались в положении, близком к русским, и во многом разделяют их судьбу.

Отсутствие у русских, проживающих за пределами России, ощущения того, что они являются национальным меньшинством, было связано не только с полифункциональностью русского языка, но также с доминированием России и с особым местом, занимаемым русскими в этнической структуре Советского Союза, их огромной, относительно других народов, численностью и широтой расселения, а также их интегрирующей ролью. В этническом плане русские как бы пронизывали всю популяцию страны и, по сравнению с большинством других народов СССР, были наименее подвержены национальной замкнутости и бытовому национализму. Немаловажное значение имели и такие факторы, как особенности расселения и занятости русских в союзных республиках: как правило, они жили в крупных городах, в том числе в значительной части — в столицах республик, работая чаще всего в крупном промышленном производстве, особенно на предприятиях союзного подчинения.

Итак, благодаря особому месту русского этноса среди других этносов СССР, а также широкому приобщению большинства нерусских народов к русскому языку и культуре, универсальности этой модели культурно-языковой адаптации в инонациональной среде, русские в большинстве случаев не имели необходимого стимула к освоению языков, а в какой-то мере и культуры титульных народов союзных республик, не говоря уже о народах автономий. В результате русские, проживающие в инонациональной среде, не акцентировали внимания на проблеме сосуществования этносов с различным образом жизни и системой ценностей, сохранения национальной самобытности других народов. Это и послужило опре-

деленным основанием для обвинения их в имперских взглядах на другие народы страны.

Реальная действительность намного богаче и разнообразнее этих крайне обобщенных представлений. Социально-экономическая, политическая, культурно-языковая роль русских в каждой из республик, модели их культурно-языковой адаптации, в частности большая или меньшая степень адаптации к языку, культуре, образу жизни титульного народа, формировались под влиянием таких факторов, как: численность и доля русских в республике; особенности их расселения; соотношение социально-культурного статуса русских и титульного народа; мера культурно-языковой дистанции между русскими и титульным этносом; историческая глубина контактов между ними, в том числе давность проживания русских в среде данного народа. Названные здесь факторы, безусловно, действовали и на отношение местных этносов к русским.

Не останавливаясь на разнообразии форм и методов адаптации русских в инонациональной среде, по существу он касался немногочисленной доли русских, проживающих в республиках.

После распада Союза русские вне России внезапно для себя и не по своей воле превратились из граждан единого государства в жителей новых независимых "национальных" государств. Представители самого большого и доминировавшего народа страны вынуждены были принять несвойственную им роль национального меньшинства. Естественно, что процесс их адаптации к новому положению не может быть простым, быстрым и однозначным. Он породил немало проблем как для самого русского населения нового зарубежья, так и для титульных народов независимых стран, возникших на территории бывшего СССР.

Только сейчас возникло понимание того, что разрыв сложившихся связей оказался не по силам всем. Стало ясно, что экономическая взаимозависимость настолько велика, что выживаемость каждой из них возможна только при сохранении старых связей. Кроме того, эйфория суверенитетов привела не только к разрыву единого экономического пространства, но и к культурной изоляции новых государств. Пришло отрезвление и осознание того неоспоримого факта, что за 70 лет в бывшем Союзе стараниями многих поколений русских и "русскоязычных" был создан уникальный симбиоз национальной и русской культуры, вошедший в мировой культурный опыт.

Исследования, проводимые группой сотрудников Института этнологии и антропологии РАН (в составе А.И.Гинзбург, Л.В.Остапенко, С.С.Савоскула, И.А.Субботиной), направлены на изучение русских как этносоциальной группы в странах нового зарубежья: Узбекистане, Киргизии, Эстонии, Литве, Молдавии. Пока нами обработаны материалы только по Средней Азии, поэтому далее я буду апеллировать именно к этому региону. В нескольких словах остановлюсь на тех этапах, или волнах, миграции русского и другого иноэтнического на-

селения в Сибирь и Среднюю Азию, которые происходили в послеоктябрьский период.

Первые волны миграции в Среднюю Азию были связаны с гражданской войной, когда из сел и городов России люди бежали в более спокойные и сытые края. Бежали от разорения помещики, квалифицированные специалисты, зажиточные мещане, ремесленники и др. В этот период не было целенаправленной и финансируемой политики переселения, и люди на свой страх и риск устраивались на новых местах. Новая экономическая политика на время успокоила население и сбила поднявшуюся волну миграции. Но начиная с 1929 г. все население страны вновь оказалось в постоянном ожидании перемен. Многие люди поняли в тот период, что Советская власть установлена всерьез и надолго и поэтому все то, чем они ранее обладали, не только перестает служить какой-то защитой, а, наоборот, может стать причиной преследования как их самих, так и их детей. Понимание этого заставляло людей бросать все и отправляться в далекие края.

Средняя Азия в этом отношении была благодатным краем. И люди с образованием, и те, кто не получили специального образования, но в силу домашнего воспитания знали иностранные языки, музыку, умели шить, вышивать, приезжали и здесь начинали новую жизнь. Мужчины же осваивали профессии бухгалтеров, счетоводов, некоторые даже делали карьеру.

Европейская община Средней Азии включала людей самых разных национальностей и социально-демографических статусов. Она жила по своим законам, мало пересекаясь с коренным населением края. Как правило, жили они в новой части города, и только самые малообеспеченные снимали квартиры в старых районах, удивляя своими нравами и обычаями коренное население. Однако никаких конфликтов между русскими и местным населением не было.

Следующий этап массовых переселений в Среднюю Азию был спровоцирован коллективизацией. Агрессивность проводимого реформирования села, безнравственность, захлестнувшая просторы России, поспричинение государством всяких человеческих установлений вызвали неоднозначную реакцию среди населения. Казалось, что оно все готово тронуться с мест, где многопоколенным потом окроплена земля, и бежать, не ведая дороги и цели. Часть сельских жителей России, тронувшихся с насиженных мест, осела в промышленных городах России. Другие, особенно те, кого не этапировали, но в любую минуту могли это сделать, скитались подолгу, испытывая все тяготы жизни, прежде чем осесть на местах своего нового обитания. Голод 1932—1933 гг. еще более обострил эту ситуацию. В Среднюю Азию приезжали люди, умеющие работать, но не желающие вновь осесть на земле. Они наводнили рынок рабочей силы городов. Много неописанных трагедий похоронено в землях их нового проживания. Здесь и тоска по родине, по крестьянскому труду и быту, здесь и затаенная злоба на власть, и внушенное детям отторжение от земли,

и стремление снова занять свое место под солнцем. Начавшаяся индустриализация поглотила этот поток — вновь прибывшие заполнили образовавшиеся рабочие места.

Следующий этап массовых переселений связан с Великой Отечественной войной. Средняя Азия приняла беженцев со всех частей России, Украины и других оккупированных территорий. Здесь работали заводы и фабрики, чувство сплочения было основным и всеобъемлющим. Коренное население оказывало всяческую помощь эвакуированным из оккупированных территорий, окружало вниманием и заботой детей, многие семьи усыновляли сирот, т.е. чувство семьи единой было характерно именно в эту тяжелую пору.

В этот период в Средней Азии быстрыми темпами шла индустриализация экономики за счет эвакуированных заводов и фабрик. Многие из них полностью остались в республиках со всем оборудованием и кадрами. Быстрыми темпами росла промышленность и в последующие годы, что, в свою очередь, вызвало новый приток жителей из других республик, особенно из России.

Но наступили 70-е годы, и курс на коренизацию кадров титульных национальностей, принятый X съездом РКП (б) в 1921 г., начал наконец давать ощутимые плоды. С этого периода в Средней Азии начался процесс медленного, но последовательного вытеснения пришлого населения, сначала с элитных должностей, а затем и с других конкурсных мест. И хотя процесс этнического вытеснения русских идет уже два десятилетия, тем не менее они не могут или не хотят играть роль национального меньшинства. Они оказались не подготовленными к новому порядку вещей всей предыдущей историей.

Следует отметить, что в Средней Азии многие народы осознавали себя меньшинством в силу исторической судьбы. К числу таковых можно отнести, например, корейцев, уйгуров, айсоров, турков-месхетинцев, бухарских евреев. Такие этносы, как армяне и евреи, в вопросе осознания себя национальным меньшинством занимают промежуточную позицию. Русские же и украинцы в Средней Азии до недавнего времени не ощущали себя национальным меньшинством.

Остановлюсь в нескольких словах на корейцах, которые были одномоментно переселены в Среднюю Азию с Дальнего Востока. Вначале корейцы заселяли пустующие земли и были сельскими жителями. В силу того, что земли, на которые их поселяли, перемежались с землями местного населения, они быстро усвоили язык и многие обычаи последнего, всегда помня при этом, что живут на землях узбеков или казахов. Переселяясь в города, корейцы осваивали русский язык, т.к. он считался более престижным. Но даже знание языка, обычаев народа и проживание на территории "махалля" — квартальной общины — не делали их ее равноправными членами. Примечательно, что русские, живущие в "махалля", гораздо быстрее признавались "своими", чем корейцы, усвоившие местный язык и нравы. В этой связи характерно мнение нашего респондента-корейца из "махалля" старой части Ташкента (исследование 1991 г.). По его словам,

даже принявший мусульманство кореец, считающий себя мусульманином, чисто говорящий по узбекски и думающий, что его принимают в "махалля" за своего, на самом деле не признается общиной "своим". Материалы нашего исследования свидетельствуют, что при всей кажущейся открытости узбекского общества, в действительности оно достаточно закрыто, и есть много индикаторов, по которым совершенно ясно проглядывают некоторые высокомерие и клановая нетерпимость по отношению к любому "человеку со стороны".

Синдром национального меньшинства у русских в инациональной среде — это дискомфортное состояние, в основе которого лежит дезадаптированность. Некоторые осознают это состояние, находят способы адаптации к ситуации и, хотя и не полностью, но в основном преодолевают этот синдром. Это чаще всего происходит тогда, когда сами выбирают страну, и уже сам факт осознанности выбора предопределяет усиление роли и значимости адаптивных функций. В обоснованности этой гипотезы мы убеждались многократно. Так, в Литве, в числе наших респондентов оказались русские, переехавшие в эту страну после путча из Москвы и Ленинграда. Их выбор был осознанным: они переезжали в другое государство, понимая, что будут там на положении национального меньшинства. Их поведение и установки на способы и цели жизнедеятельности в литовской среде резко отличались от наблюдаемых у других респондентов из числа местного русского населения. Так, мигранты последней волны чрезвычайно активно учили местный язык, искали точки соприкосновения с литовской средой, изучали ее обычаи и обряды, целенаправленно стремились адаптироваться к ней.

В целом проблема "синдрома национального меньшинства" чрезвычайно многогранна, неоднозначна и не может быть решена никакими указами, запретами и разрешениями. Сложные процессы, происходящие на территории бывшего СССР, не способствуют быстрейшему преодолению этого синдрома. Необходимо продолжить его изучение и по возможности находить наименее болезненные способы его преодоления.

Вопрос: Можно ли Вас понять таким образом, что основная причина миграции русских из Средней Азии — это специфика культурных стереотипов русского населения, а не объективная ситуация?

Ответ: Если говорить о русских, то объективные факторы их вытеснения, безусловно, есть, они были всегда. Конкурентность всегда существовала, но особенно резко она стала проявляться с 70-х годов. Многие русские в Средней Азии высказывают обиду по поводу того, что они много сделали на этой земле, добросовестно работали, а их отовсюду вытесняют, выталкивают. Из первого эшелона, из элиты правящей они были в основном вытеснены в 70-е годы, затем началось их вытеснение из других сфер. Сейчас есть большая опасность того, что в Узбекистане русские могут оказаться в том же положении, что турки-месхетинцы — им отведена ниша плохо оплачиваемых рабочих профессий. Не довольствуясь ею, русские пошли в торговлю.

А так как узбеки — это, в общем, торговые люди, то между ними и русскими может возникнуть ситуация довольно жесткой конкуренции.